

На пути вглубь

Я говорил о том, что одна из проблем, перед которой мы все стоим и которую должны решить, это – *куда направить свою молитву*. И я предложил – *на самих себя*. **Только** если молитва, которую вы хотите принести Богу, достаточно осмысленна и значительна для вас самих, вы сможете встать с ней перед Господом. Если вы невнимательны к словам, которые произносите, если ваше собственное сердце на них не отзывается или если ваша жизнь не устремлена в том же направлении, что и ваша молитва, она не вознесется к Богу. Поэтому, как я уже сказал, первое, что нам надо сделать – это выбрать молитву, которую мы сможем произнести всем сердцем, всем умом, всей своей волей: молитву, которая не обязательно должна быть выдающимся произведением литургического искусства, но должна быть правдивой и не слабее того, что вы хотите выразить. Вы должны эту молитву понимать во всем ее богатстве и точности.

При выборе молитвенных слов можно сделать три вещи: можно молиться своими словами, – это та молитва, которая ключом бьет из нашей собственной души; можно молиться краткой молитвенной формулой, – такого рода молитвы, при всей своей краткости, очень интенсивны и охватывают очень большую область, их содержание чрезвычайно многозначно; можно пользоваться тем, что называется, иногда несколько пренебрежительно, “готовыми молитвами”, диапазон которых – от самых плоских произведений, когда люди стараются изобрести молитвы на все случаи жизни, до глубочайшего опыта святых, выраженного в молитвах, которые они не придумывали, но которые Дух Святой выковал в их жизни и сердце. Я хотел бы сказать нечто о каждом из этих родов молитвы.

“Свободная”, “естественная” молитва, молитва своими словами возможна при двух обстоятельствах: или когда мы **вдруг** осознали присутствие Божие, и это сознание требует от нас отклика – молитвой, радостью, всеми формами ответа, на которые мы способны, будучи подлинно собой и предстоя перед Живым Богом; или это такое же осознание смертельной опасности, в которой мы находимся, – и тогда, приходя к Богу, мы внезапно **кричим** из глубины отчаяния и одиночества, и также из чувства, что нет надежды на спасение, если только Бог не спасет.

Эти два состояния представляют собой два крайних полюса: когда мы видим свое отчаянное положение, свою обезбоженность, одиночество, тоску – и неспособны прорваться сквозь них; или – чудо, что мы вдруг оказались лицом к лицу с Богом, когда мы можем молиться спонтанно, и не имеет особенного значения, какими словами. Мы можем повторять раз за разом “Радость, о, Радость!..” ; мы можем произносить любые слова, потому что слова не имеют значения, они только поддерживают настроенность, выражают нелепо, безумно, нашу любовь или наше отчаяние. Вы, наверное, помните евангельский отрывок о преображении, когда Петр обратился ко Христу: “Не построить ли три палатки – одну Тебе, одну Моисею и одну Илии?” И, по словам Евангелия, он *не знал, что говорил* (ср. Мк 9:6), потому что был вне себя; он оказался перед лицом чего-то настолько ошеломляющего, что просто сказал первое, что пришло на ум, выпалил от избытка чувств, выражая свое состояние.

Поэтому если мы воображаем, что в течение всей жизни можно молиться собственными словами, то это детское заблуждение. “Свободная” молитва должна **вырваться** из нашей души, мы не можем просто открыть кран, чтобы она потекла. Нет таких кладезей, откуда ее можно черпать в любой момент. Она бьет из недр нашей души от изумления или от отчаяния, – но не из промежуточного состояния, когда мы не потрясены ни Божиим присутствием, ни ужасом того, что мы такое и каково наше положение. И значит, стараться прибегать к свободной молитве в такие периоды – совершенно иллюзорное

упражнение. Бывают целые периоды, когда вы и не на дне морском, и не на гребне волны, и чтобы молиться, приходится делать что-то, – и это те периоды, когда мы не можем молиться спонтанно, но можем молиться по убеждению. Это очень важно, потому что, начиная молитвенную жизнь, многие думают, будто они недостаточно правдивы, если не переживают со всей силой слова и фразы, которые произносят – и это неверно. Иногда можно быть совершенно искренним по ясности ума, по прямоте воли, хотя в тот или другой момент слова или даже действия выражают то, чего сейчас не переживаешь.

Пример, который мне сейчас приходит на ум, состоит в следующем: когда вы живете семьей, работаете на изнурительной работе, вам случается вернуться домой физически измотанным. Если в эту минуту ваша мать, сестра, отец или кто другой спросит: “А ты меня любишь?” – вы скажете: “Да”. Если же человек будет настаивать: “Ты действительно любишь меня вот сейчас, в эту минуту?” – то по честному вы могли бы сказать: “Нет, сейчас я не ощущаю ничего, кроме боли в спине и изнеможения во всем теле”. Но вы будете совершенно правы, если ответите: “Да, люблю!”, потому что знаете, что под покровом утомления струится живой поток любви. И когда Христос говорит: *тот, кто Меня любит, исполнит Мои заповеди*, это не означает: “Если вы Меня любите, то будете переходить от одного переживания к другому, из одного восторга в другой, от одного богословского прозрения к другому”. Это означает: “Если вы верите Моим словам, то живите согласно тому, что получили”, и здесь **согласно, соответственно** всегда означает как бы немножко выше наших возможностей, немножко больше, чем мы бы сделали своей охотой.

Поэтому есть и место и необходимость для молитвы, которая не бьет ключом, но действительно коренится в убежденности: для этого достаточно обратиться к огромному множеству уже существующих молитв. У нас есть богатый выбор молитв, которые были выстраданы подвижниками веры и рождены в них Духом Святым. Есть, например, псалмы, есть столько кратких и пространных молитв в литургической сокровищнице всех Церквей, из которой мы можем черпать. Важно отыскать и знать их достаточное число, чтобы в нужный момент найти соответствующие молитвы. Речь идет о том, чтобы выучить наизусть достаточное количество значительных для нас отрывков из псалмов или из молитв святых; каждый из нас более чуток к тем или другим отрывкам. Отметьте себе те отрывки, которые глубоко вас трогают, которые для вас осмысленны, которые выражают нечто – о грехе, или о блаженстве в Боге, или о борьбе, что вы уже знаете опытно. Заучите эти отрывки наизусть, потому что в какой-то день, когда вы так пали духом, так глубоко отчаялись, что не можете вызвать в своей душе ничего личного, никаких личных слов, вы обнаружите, что эти отрывки всплывут на поверхность и предстанут вам, как подарок Божий, как дар Церкви, как дар святости, восполняя упадок наших сил. Тогда-то нам действительно нужны молитвы, которые мы заучили так, что они сделались частью нас самих.

В православной Церкви существуют утренние и вечерние молитвы, которые, в общем, продолжительнее тех, которые употребляются на Западе. Чтение этих молитв занимает около получаса утром и получаса вечером. И люди стараются заучить их наизусть, так, чтобы и в другие моменты можно было из них черпать. Недостаточно, однако, просто заучить молитвы наизусть; если наша жизнь не есть молитва в действии, если жизнь и молитва не переплетены до конца, то молитва превращается в подобие вежливого мадригала, который мы преподносим Богу в те моменты, когда находим для Него время.

Если в утренних молитвах вы произнесли ту или другую фразу, то в течение дня вы должны эту фразу оправдать жизнью. Поэтому я думаю, что кроме запоминания наибольшего количества значительных для вас отрывков, нужно взять за правило, раз обнаружив фразу, которая поражает вас своим смыслом – при чтении ли Евангелия, Нового или Ветхого Завета вообще, среди богослужебных ли текстов – постараться исполнять ее на протяжении дня **неуклонно**, как можно дольше. Может быть, вы думаете, что можно так взять фразу и “жить”

ею в течение целого дня. Но это очень трудно. Если вы сможете держаться одной фразы из одной молитвы в течение часа **неукоснительно**, то это уже большая удача – но сделайте это! Например: “Я прочитал слова ‘Готово сердце мое, готово, Боже!’ – и в течение получаса буду жить **так**, чтобы сердце мое было открыто Богу и готово исполнить Его волю”. Получаса, не больше, – а потом дайте себе передышку и перейдите на что-нибудь другое, потому что если вы будете силиться выполнять одну фразу, радикальную и трудную, то кончится тем, что вы просто скажете: “Больше не могу...” и бросите всё это занятие. Но если вы скажете: “Вот, у меня три или четыре фразы, молитвенные формулы на этот день, и я постараюсь жить одной из них с момента, когда утром произнесу ее, до десяти часов утра, затем перейду к следующей, затем к следующей”, – то увидите, что постепенно все слова молитвы, все мысли и чувства, выраженные святыми в их молитвах, оживут в вас, начнут глубоко пронизывать вашу волю и преобразовывать и ее и ваше тело – потому что исполняются заповеди только при участии тела.

Может, однако, случиться, что вы скажете: “Я не очень переживаю эти слова”. Так вот, если эти слова выражают ваше основное, глубинное убеждение, но вы ничего не чувствуете в данную минуту, обернитесь к Богу в раскаянии и скажите Ему: “Это мое основное, глубокое христианское убеждение, а вот смотри – я никак на него не отзываюсь!” И сказав это, вы, может быть, обнаружите, что вдруг начали молиться своими словами. Вы сможете выразить Богу свое сожаление, свое горе, свое отвращение к себе самому – и восстановится ваша решимость сказать Богу самую правду и то, что ваша воля едина с Его волей.

И наконец, можно молиться постоянным, насколько это возможно, молитвенным призыванием, которое служит фоном, подпоркой на протяжении дня и через всю жизнь. Сейчас я имею в виду специфически православную практику. Это то, что мы называем *Иисусовой молитвой*; это молитва, которая сосредоточена на имени Иисусовом: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного*. Это молитва преимущественно монахов и монахинь, но ее употребляют и наши миряне. Это молитва устойчивости, ибо она не “дискурсивна”, – в ней мы не переходим от одной мысли к другой; это молитва, которая ставит нас лицом к лицу с Богом в исповедании веры о Нем и определяет наше собственное положение. Согласно большинству православных подвижников и мистиков, это исповедание веры суммирует всё Евангелие.

В этой молитве мы, во-первых, исповедуем Христа – *Господом*, исповедуем Его державное право над нами, тот факт, что Он – наш Господин и наш Бог; это подразумевает, что вся наша жизнь в Его воле и что мы поручаем себя Его воле и ничему другому. Затем, в имени *Иисус*, мы исповедуем реальность Воплощения и всё, что Воплощение означает. Дальше – *Христос*: это Тот, в Ком мы видим воплотившееся Слово Божие, согласно Ветхому и Новому Завету, Помазанник Божий. Еще дальше – совершенное исповедание веры в то, Кем Он является: *Сын Божий*. Это не только исповедание веры в Иисуса Христа, ибо оно раскрывается на Троичность: Он есть Сын Отчий, и никто не может признать в Пророке галилейском воплощенное Слово Божие, кроме как если Дух Святой научит его видеть, и понимать, и поклоняться Ему; это четвертое исповедание веры, позволяющее нам стоять перед лицом Божиим в правде и исповедовать Его духом. И наконец, *помилуй нас*. Русское “Господи, помилуй” – перевод греческого *Kurie elehson*.

Я настаиваю на **словах**, которые мы употребляем в молитве, по той причине, что по сравнению с древностью, во всех современных языках слова приобрели более узкое, специальное значение. Очень часто мы употребляем слова молитвы, которые безмерно богаты, но не замечаем этого богатства, потому что воспринимаем слова не уровне их

значения в нашей повседневной речи; а они могли бы иметь глубокий отклик в наших сердцах, если только связать их с тем, что нам известно на других уровнях.

Я хотел бы проиллюстрировать это примером, который может шокировать ученых-классиков, поскольку с филологической точки зрения он несколько сомнителен; но так как он основан на игре слов, которой много столетий назад пользовались греческие отцы Церкви, знавшие свой язык и такой игры не стеснявшиеся, я также воспользуюсь ею. В те или другие минуты нашей жизни большинство из нас произносит, восклицает слова “Господи, помилуй!” (греческое *Kurie elehson*,

)или хотя бы знает, что такие слова существуют. Мы, в общем, знаем, какое значение вкладываем в них: это призыв к Богу о милосердии, о милости, о сострадании, о ласковой заботе. В чем специалисты по древним языкам могли бы меня – а со мной и греческих отцов – упрекнуть, так это в том, что некоторые отцы производят слово *elehson* от того же корня, что и греческое обозначение “оливкового дерева”, “оливки”, “олея”. Оставим, однако, эти споры ученым и посмотрим, что этот термин говорит нам в контексте Священного Писания. Произнося *Kurie elehson*, *Господи, помилуй* – можно ограничить значение этих слов тем, что это призыв к Божьему милосердию “вообще”. Но это не может нас удовлетворить, потому что в такое “Господи, помилуй” мы не можем вложить целокупность нашей жизни; кроме того, в нашей обиходной речи такие слова просто мало что означают. Если же вспомнить об оливковом дереве, “маслине”, оливковом масле в Ветхом и Новом Завете, мы обнаружим следующее: оливка, веточка оливкового дерева впервые упоминается при конце Потопа, когда голубь приносит эту веточку Ною. (И не тот ли это голубь, который парил над Христом в день Его крещения?) Эта оливковая веточка означала, что гнев Божий истощился, что прощение дано, как дар, что перед нами простираются и новое время и новый путь.

Это – первая ситуация. Однако мы не всегда можем следовать этим путем. Недостаточно просто располагать временем и новыми возможностями; если мы больны душой, если воля наша сломлена или если мы неспособны, будь то умом, будь то физически, ни различить пути, ни следовать им – нам нужно исцеление. Поэтому вспомним масло, которое милосердный самарянин возлил на человека, ставшего жертвой разбойников. Исцеляющая сила Божия дает нам возможность воспользоваться тем, что Божий гнев престал, тем, что нам предложено, как дар, прощение, предложены, как дар, время, пространство и вечность.

Другой образ – помазание священников и царей, которые из среды народа Израильского призывались встать на пороге между миром Божественным и человеческим миром, между единой и гармоничной волей Божией и пестрым, усложненным – а то напряженным и противоречивым – человеческим миром. И для того чтобы стоять на этом пороге, человеку нужно больше, чем человеческие способности; ему нужна одаренность от Бога. В знак этого и совершалось помазание над священниками и над царями. В Новом же Завете мы все – священники и цари, мы все облечены царственным священством, и наше призвание, человеческое и христианское, превосходит то, чего может достичь человек. Мы призваны стать и быть живыми членами Тела Христова, храмами на земле, чистыми и достойными Святого Духа, участниками Божественной природы. Всё это превосходит наши человеческие способности, но одновременно, мы должны быть и людьми в полном смысле, в самом глубоком смысле, в котором христианин понимает человечество по образу воплощенного Сына Божия. Для этого нужны благодать и помощь Божии, и всё это обозначено тем же образом помазания.

Если с такой же простотой (нужны только словарь, Библия и немножко вдумчивости) и так же непосредственно продумать и другие слова, которые мы употребляем в молитве, они станут замечательно богатыми в умственном порядке. И тогда мы сможем быть более внимательными к тому, что произносим; наша молитва не будет состоять из слов

опустошенных или слов, обозначающих что-то, подлинный смысл чего утрачен – а это случается постоянно. И тогда прежде чем сказать “Господи, помилуй!” – “Господи, прояви ко мне милосердие, сострадание; Господи, излей на меня Свою любовь и ласку”, мы сумели бы продумать то положение, в котором вот сейчас находимся. Находимся ли мы на самой глубине падения? Стоим ли перед безграничными возможностями и, вместе с тем, неспособны ничего предпринять, потому что так глубоко ранены? Или же мы получили исцеление, но стоим перед лицом призвания настолько нас превосходящего, что не смеем и помечтать о нем?.. Но призвание это можно осуществить, только если Бог даст нам на то силы. Это тоже предполагает внимательное погружение в слова, такой подход к ним, чтобы они стали частью наших эмоций, чтобы вокруг них собиралась и сосредоточивалась вся интенсивность и глубина нашей личной жизни. Но если слова, которые мы употребляем, не приобретают реальности в том, как мы живем, они останутся бессмысленными и не приведут ни к чему: они будут, как лук без тетивы, из которого невозможно пустить стрелу. Совершенно бессмысленно просить Бога о чем-то, на что мы не готовы сами. Когда мы говорим: “Господи, избавь меня от того или другого искушения”, и одновременно ищем, какими уловками нам до этого искушения добраться, рассчитывая, что теперь Бог настороже и силой вытащит нас из него, то у нас мало шансов на успех. Бог дает силу, но воспользоваться ею должны мы сами. Когда в молитве мы просим Бога дать нам силу сделать что-то в Его имя, это **не** значит, что мы просим Его совершить это **вместо** нас, поскольку мы слишком безвольны, чтобы проявить готовность действовать самим.

В житиях святых есть в этом отношении достаточно примеров, и в жизнеописании западного святого XVI века, Филиппа Нери, встречается именно такой случай. Филипп был довольно-таки горячего нрава, легко ссорился, братьям монастыря приходилось много терпеть от его вспыльчивости, и ему, конечно, тоже доставалось. Однажды он почувствовал, что так продолжаться не может. Был ли это порыв добродетельности или просто он больше не мог выносить своих собратьев – этого *Житие* не сообщает. Факт тот, что он бросился в часовню, упал на колени перед изображением Христа и молил избавить его, Филиппа, от вспыльчивости. И затем, полный надежды, вышел вон. Первый, кто ему повстречался, был брат, никогда не возбуждавший в нем никакого гнева, но впервые в жизни этот брат обошелся с ним придирчиво и неприязненно. Филипп вспылил и, кипя гневом, отправился дальше – и встретил другого брата, который всегда был для него источником умиротворения и радости. Но даже и этот принял его неприветливо. Филипп вернулся в часовню и снова бросился к ногам Христа: “Господи – я же просил Тебя избавить меня от вспыльчивости!” И Господь ответил: “Да, Филипп, вот потому Я и предоставляю тебе как можно больше случаев отучиться от нее”.

Думаю, очень важно сознавать, что Бог поступит с нами именно так; Он не станет восходить за нас на крест снова и снова, каждый день. В какой-то момент мы должны сами взять свой крест и его нести. Каждый из нас должен взять свой крест, и когда мы о чем-нибудь просим в молитве, это подразумевает, что мы и сами беремся за дело со всей силой, всем разумом и всем вдохновением, какие только способны вложить в свое действие, со всем мужеством и всей энергией, которые у нас есть. Кроме того, мы исполняем дело и со всей той силой, какую нам подает Бог. Если мы этого не делаем, то наша молитва – пустая трата времени. Это и означает, что слова “Господи, помилуй!” или любые другие слова, которые мы произносим, должны быть направлены на нас самих; ум наш должен быть сформирован словами, **сообразен** с ними, должен быть с ними в гармонии, наполнен ими. Сердце наше должно пропитаться ими с полной убежденностью и выражать их со всей силой, на которую мы способны; воля наша должна овладеть ими и превратить в действие. Таким образом, молитва и действие должны стать двояким выражением единого стояния перед лицом Бога, и самих себя, и всего, что вокруг. Иначе мы попусту тратим время. Какой смысл рассказывать

Богу о чем-то неладном, а когда Он дает нам силы для борьбы – сидеть и ждать, пока Он Сам всё за нас сделает? Какой смысл твердить слова, которые стали такими несостоятельными, такими бессмысленными, что служат лишь паутинкой между нами и Богом?

Поэтому найди точные, нужные слова; найди и привяжи к ним всё свое внимание: ведь это слова правды, такие слова, которые Бог услышит, ибо они правдивы. Вложи в них всё свое сердце. Пусть эти слова оживут умственным пониманием, потому что они правдивы, и дай им вонзиться глубоко, в самые недра твоего сердца.

И у слов молитвы есть то свойство, что они всегда обязывают. Вы можете произносить слова молитвы, только подразумевая, что “если я говорю, значит, я буду это делать, когда представится случай”. Когда вы говорите Богу: “Любой ценой, любой ценой, Господи, спаси меня!”, вы должны помнить, что этим вы обязуетесь мобилизовать всю свою волю, потому что когда-то Бог скажет: “Вот цена, которую надо заплатить”. Древние писатели говорили: “Пролей кровь и примешь Дух”. Вот – цена. Оставь всё – получишь небо; оставь порабощенность – приобретешь свободу. И так же, как ваша воля вовлечена уже не только в акт молитвы, но и во все вытекающие из него последствия, так же должно быть вовлечено и тело. Потому что человек – не просто душа, на какой-то срок сопряженная с телом; человек **есть** тело и душа, одно цельное существо. Поэтому в молитве должно присутствовать физическое усилие, физическое внимание, физический строй, устройство того, как вы молитесь. Если пища слишком утяжеляет вас и не дает молиться, то это усилие должно включать и пост. Если вы так поступаете – это и значит, что вы стучитесь в двери.

Теперь, если, вооружившись всеми этими словами, мы собрались пробиваться внутрь, как бурят, прокладывая путь в недра земли, чтобы извлечь оттуда что-то на поверхность, то надо быть готовыми на риск: уходить в глубины очень трудно. Звучит это просто; мы все считаем что в нас есть глубина, и чем больше в нее уходишь, тем оно становится замечательнее. Но это **не так просто**. Да, – когда мы достаточно углубились, то это верно; но путь очень похож на рассказы о поисках Священного Грааля или града Китежа. На пути приходится иметь место со всякими страшилищами, и эти страшилища вовсе не бесы, вовсе не наши ближние, а всего лишь мы сами. И от этого всё становится гораздо менее приятным и гораздо более трудным.

Обычно жадность, страх, любопытство заставляют нас жить вовне. В своей книге *L'homme, cet inconnu* Алексис Каррель, французский ученый, работавший в Америке, говорит: “Если спросить себя, где граница моей личности, то мы увидим, что язык лакомки, как щупальце, тянется ко всему съестному на свете; глаза любопытного, как щупальцы, устремлены на всё окружающее; уши любопытного всё разрастаются, стремясь уловить всё больше и больше”. И если нарисовать картинку, на что мы похожи в таких категориях, то мы увидим, что наше внутреннее содержание очень невелико, потому что всё обращено наружу. Так что первое, что надо сделать, это отлепить от всего свои щупальцы и вобрать их внутрь. Невозможно идти вглубь, когда весь полностью находишься снаружи.

Попробуйте, и по пути вы обнаружите еще ряд полезных вещей. Например, найдите время побыть наедине с самим собой; закройте дверь и некоторое время, когда больше делать нечего, “осядьте” в своей комнате. Скажите: “Сейчас я с самим собой” и просто посидите так, сами с собой; после очень короткого времени вам, вероятно, станет скучно. И это очень поучительно, – это дает нам представление, что если мы так себя чувствуем всего после десяти минут наедине с собой, то неудивительно, что другим тоже становится скучно с нами! Почему же это происходит? Не потому ли, что нам почти нечем напитать свой ум, свои эмоции, свою жизнь? Потому что если взглядеться в свою жизнь пристально, очень быстро обнаруживается, что редко-редко мы живем изнутри наружу; мы, как правило, отзываемся на

стимул, на побуждение извне. Иначе говоря, мы живем отраженной жизнью, реагируем. Что-то случилось – и мы отзываемся; кто-то говорит – и мы отвечаем. Но когда нет стимула думать, говорить или действовать, оказывается: внутри нас очень мало такого, что побуждает нас действовать в каком бы то ни было направлении; и это очень драматичное открытие. Мы совершенно пусты, мы не действуем изнутри себя, но принимаем за свою собственную жизнь нечто, что на самом деле нам скормливается извне; нечто происходит и побуждает нас совершить следующее действие. Редко-редко нам удается жить просто глубиной и богатством, которые, как мы считаем, существуют у нас внутри.

В диккенсовских “Записках Пиквикского клуба” есть отрывок, очень хорошо описывающий мою жизнь и, возможно, тоже и вашу жизнь. Пиквик отправляется в клуб и нанимает извозчика; по пути он задает вознице множество вопросов и среди прочего спрашивает: “Как это такая жалкая и хилая лошаденка может тащить такую тяжелую и большую коляску?” И возница отвечает: “Дело не в лошади, сэр, дело в колесах”. – “Что вы хотите сказать?” – спрашивает Пиквик, и кучер отвечает: “Видите ли, наша пара колес замечательная. Они так хорошо смазаны, что стоит лошади тронуться с места, как колеса начинают вращаться, и бедной лошади нужно бежать ради спасения собственной жизни”. Взгляните на то, как мы большей частью живем: мы – не лошадь, которая тянет повозку, мы – лошадь, которая спасается от повозки, чтобы не быть ею раздавленной...

И вот потому что мы не знаем, как действовать без внешнего побуждения, оказывается: мы не знаем, что делать с самими собой, и нам делается всё скучнее и скучнее. Так что для начала надо научиться сидеть в одиночестве, не бояться скучать и уметь делать из этого соответствующие выводы.

Вскоре нам становится хуже, чем скучно, потому что это не та скука, когда можно сказать: “Я человек активный и привык быть полезным своему ближнему; я всегда занят тем, что творю добро, и состояние невесомости, когда я ничего не делаю для других – тяжелое испытание”. Нет, тут мы мало-помалу обнаруживаем нечто другое. Нам скучно; мы стараемся выбраться из этой скуки и обращаемся внутрь себя, чтобы найти там что-нибудь, что рассеяло бы эту скуку, и очень скоро обнаруживаем, что **нет ничего**. Всё, что мы могли бы продумать, мы продумали уже десятки раз; весь запас наших эмоций похож на клавиатуру пианино, которое мы закрыли, потому что не привыкли, чтобы пианино играло само собой: нам нужен кто-то другой, кто играл бы на клавишах. Мы не привыкли “ничего не делать”, и нам становится тревожно, а тревога перерастает в невыносимую муку. Если вы читали отцов пустыни, вы можете припомнить, что бывают моменты, когда они просто выбегали из кельи с криком о помощи, в надежде встретить что-нибудь или кого-нибудь – что угодно, что бы то ни было; сам черт был бы лучше, чем эта опустошенность самосозерцания. Святитель Феофан Затворник говорит: “Большинство людей подобны древесной стружке, свернутой кольцом вокруг собственной пустоты”. Если у нас достаточно честности, мы должны признать, что это очень адекватное описание того состояния, в котором практически все мы находимся.

Тут мы должны пересилить свой ужас и сказать: “Нет, я не отступлюсь, я дойду до точки, когда самая эта мука побудит меня к тому, чего неспособна достичь добрая воля”. И действительно, наступает момент, – момент отчаяния, тревоги и ужаса, который заставляет нас обратиться еще глубже внутрь и вопиять: “Господи, помилуй! Господи, я гибну – спаси!” Мы обнаруживаем, что в нас нет ничего, что могло бы дать жизнь, или, скорее, что **есть** жизнь; всё, что мы называли жизнью, принимали за жизнь, было снаружи, а внутри не было ничего.

И мы смотрим на эту пучину **небытия** и чувствуем: чем больше мы в нее углубляемся, тем меньше от нас остается. Это мгновение опасное, это мгновение, когда нам надо остановиться, задуматься, всё взвесить. Это момент, когда мы достигли первого пласта

глубины, того, где в нас зарождается способность стучать в дверь. На том уровне, где мы просто отдыхали от своего ближнего, раньше чем начали скучать, на уровне, где нам просто скучно, а затем и обидно от того, что мы скучаем, на уровне, где мы ёрзаем и тревожимся, а потом приходим в смятение, нам еще нет причины звать и вопить от отчаяния, переполняющего наш ум, наше сердце, нашу волю и наше тело чувством, что если только Бог не придет – я погиб, надежды нет, ибо я знаю, что если я и вынырну из этой бездны, то снова попаду в область призрачной, отраженной жизни, но не жизни реальной. Здесь же – момент, когда мы можем начать стучать в дверь, которая еще закрыта, но за которой – надежда, та надежда, которую Вартимей, слепец у врат Иерихонских, пережил из глубины своего предельного отчаяния, когда мимо проходил Христос.

Мы знаем из Евангелия, что ослепший Вартимей оказался нищим при дороге, без всякой надежды; он потерял всякую веру и всякую надежду на человеческую помощь и был вынужден побираться ради пропитания, надеясь не столько на милостыню, означающую милосердную, ласковую заботливость, сколько на подачку, когда монетку бросают, даже не увидев человека. И однажды он, теперь уже отказавшийся от надежды, окончательно слепой и осевший здесь в пыли, услышал о ч/Человеке, о новом Пророке, который творил чудеса по всей Святой земле. Будь у Вартимея зрение, он, вероятно, вскочил бы и побежал по всей стране, чтобы этого Пророка найти; но не угнаться ему было за этим странствующим чудотворцем. Поэтому он остался, где сидел, и сознание, что есть некто, кто, может быть, исцелил бы его, навверное, делало его отчаяние еще более острым. И однажды он слышит толпу, проходящую по дороге, толпу, которая звучала как-то необычно. По всей вероятности, как это случается со слепыми, у него развился слух и восприятие более чуткие, чем у нас, потому что он спросил: “Кто это проходит?” – и ему сказали: “Иисус из Назарета”. И тут Вартимея охватило и предельное отчаяние и безмерная надежда. Безмерная надежда, потому что Христос проходил в пределах досягаемости; но на фоне самого мрачного отчаяния, потому что через несколько шагов он поравняется с Вартимеем, а еще через несколько шагов – пройдет мимо, и, вероятно, второго такого случая не будет. И из этой отчаянной надежды Вартимей начал звать и кричать: “Иисус, Сын Давидов! Помилуй меня!” Это был крик совершенного исповедания веры. В то мгновение, именно потому что его отчаяние было так глубоко, в нем родилась такая дерзновенная надежда и к нему пришло исцеление, спасение, цельность: Христос его услышал.

Со всецелой, совершенной надеждой всегда связана какая-то мера отчаяния. Это и есть тот момент, когда, войдя внутрь, мы можем молиться; и тогда слов “Господи, помилуй!” уже вполне достаточно. Тогда не нужны изошренные речи, которые мы часто встречаем в молитвенниках; достаточно просто кричать от отчаяния: “Помоги!” – и будете услышаны.

Очень часто, молясь, мы не находим у себя достаточно напряжения, достаточно убеждения, достаточно веры, потому что и отчаяние наше недостаточно глубоко. Мы хотим заполучить Бога, Его присутствие, вдобавок ко множеству других вещей; мы хотим Его помощи и одновременно стараемся получить помощь откуда только можем; мы приберегаем Бога про запас, как последнее средство. Мы обращаемся к сильным мира сего и к сынам человеческим и говорим: “Боже, дай им силу сделать это для меня!” , и лишь очень редко отворачиваемся от сильных мира и сынов человеческих и говорим: “Я никого не буду просить о помощи, лучше Ты Сам помоги мне!” Если наше отчаяние прорывается из достаточных глубин, если то, о чем мы просим, о чем кричим, настолько существенно, что выражает все нужды нашей жизни, тогда мы найдем слова для молитвы и сумеем достичь существа молитвы – встречи с Богом.

А теперь еще о смятении; связь мы можем найти в том же рассказе о Вартимее. Он вопиял – но что говорит Евангелие об окружавших его людях? Они старались заставить его замолчать, и можно легко себе представить тех благочестивых людей – зрячих, с уверенной

поступью, здоровых, – которые окружали Христа, беседовали о высоких материях, о грядущем Царстве Божиим и о тайнах Священного Писания, людей, которые оборачивались к Вартимею и говорили: “Не можешь ли ты, наконец, замолчать? Глаза, твои глаза – что они такое, какое они имеют значение, когда речь идет о Боге?” Вартимей как бы выбивался из контекста, требуя от Бога чего-то, что ему было отчаянно нужно; а тут происходил некий церемониал, и он нарушал его стройную гармонию: его нужно немедленно прогнать! Его нужно заставить смолкнуть! Но Евангелие также говорит, что несмотря на этих людей, которые на него шикали, он продолжал кричать о своем, о том, что ему было **так** нужно; чем больше его утихомиривали, тем сильнее он кричал.

Вот что я хотел бы вам передать. Есть греческий святой по имени Максим, который юношей пришел однажды в храм и услышал слова апостольского послания: *Непрестанно молитесь...* Эти слова настолько его поразили, что он подумал, что ничего другого не нужно, кроме как исполнить эту заповедь. И он вышел из храма, пошел в ближние холмы и начал молиться непрестанно. Он был греческим крестьянином IV века, знал наизусть “Отче наш” и несколько других молитв. И, – рассказывает он нам, – он читал молитвы одну за другой, повторяя их снова и снова, и снова. И ему было очень хорошо; он молился, он был с Богом, окрыленный ликованием, и всё казалось ему совершенным, – кроме того, что солнце постепенно клонилось к закату, становилось всё холоднее и темнее. И по мере того, как темнело, стали слышаться всякие тревожные звуки: хруст ветки под лапой дикого зверя, крики мелких животных, которых раздирали хищники, сверканье их глаз и т.д. И тут Максим почувствовал, что он совсем один, – малая беззащитная тварь в мире опасности, смерти, убийства, и что нет ему помощи, если Бог не придет на помощь. Он уже не читал Молитву Господню и Символ веры; он поступил точно так же, как Вартимей, и начал кричать: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!” И так он кричал всю ночь, потому что звери и их сверкающие глаза не давали ему заснуть. Потом настало утро, и он подумал: “Теперь звери заснули, я могу молиться”, – но тут он почувствовал, что проголодался. Он решил собрать себе ягод и отправился в заросли, но сообразил, что все эти сверкающие глаза и когтистые лапы, наверное, прячутся где-нибудь в этих кустах. И тогда он начал пробираться очень осторожно и на каждом шагу повторял: “Господи, Иисусе Христе, спаси меня, помоги мне, спаси! Боже, помоги, защити меня!” – и на каждую собранную им ягодку приходилось по несколько молитв.

Прошло время, и после многих лет Максим встретил очень старого и опытного подвижника, который его спросил, как он научился непрестанной молитве. Максим сказал: “Думаю, что бес научил меня молиться непрестанно”. Его собеседник ответил: “Мне думается, я понимаю, что ты имеешь в виду, но хотел бы увериться, что понимаю тебя правильно”. И тогда Максим ему рассказал, как он постепенно свыкся с этими шорохами и деннонощной опасностью; но тогда на него напали искушения плоти, искушения ума, переживаний, а позже – и более яростные нападения от врага. И с тех пор не было мгновения ни днем, ни ночью, когда бы он не обращался к Богу с криком: “Помилуй, помилуй, помоги! На помощь, на помощь!” И однажды, много лет спустя, Господь явился ему; и покой, мир, тишина, безмолвие сошли на него. Не осталось страха – ни страха темноты, ни страха зарослей, ни страха бесовского, – Господь всё взял на Себя. “К тому времени, – сказал Максим, – я научился, что если Господь не придет Сам, я совершенно и безнадежно беспомощен; так что даже в безмолвии, в мире и в радости я продолжал молиться: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!”, так как знал, что только Божье милосердие может дать мир сердечный, мир ума, тишину телесную и правую волю”.

Так вот: Максим научился молиться, не избегая тревоги, но благодаря тревоге, и потому что его тревога была реальна, – за ней стояла реальная опасность. Если бы мы сознавали, что находимся в гораздо большей опасности, что дьявол рыщет, стараясь уловить

и погубить нас, что всякая человеческая встреча есть суд, кризис, та ситуация, в которой мы все призваны или принять Христа в человеке, который нам повстречался, или быть ему Христовым вестником; если бы мы понимали, что всё в жизни насыщено значением, тогда мы умели бы кричать и молиться непрестанно, и тревога, смятение были бы не помехой, а тем именно обстоятельством, которое учит нас молиться, когда мы еще слишком неопытны для того, чтобы молиться из глубин, без побуждения, без стимула к молитве.

Как научиться молитве в условиях той жизни, которой мы живем, если мы о молитве не знаем ничего, не молились никогда в жизни или молились мало? Я испытал это в разнообразных условиях: в годы, когда занимался медицинской работой, пять лет в военных условиях, затем священником и т.д. – и получается! Получается, если ты достаточно прост и незатейлив, чтобы поступать следующим образом.

Проснувшись утром, первым делом поблагодари за это Бога, даже если тебя не особенно радует день, который тебе предстоит: *Вот день, который сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в этом дне!* (см. Пс 117: 24). Когда это сделано, дай себе время осознать правду того, что ты произнес, и принять ее на свой счет; может быть, на уровне глубинного убеждения, если не в порядке того, что мы назвали бы ликованием. А потом встань, умойся, приберись, сделай то, что тебе обычно надо сделать, и тогда вернись к Богу. Приди к Нему снова с двояким убеждением: что ты – Божий, и что этот день – тоже Божий, тоже принадлежит Ему, и что он совершенно нов, совершенно нетронут. Его никогда раньше не было. Употребляя русские образы, он – как широкая, незапятнанная снежная равнина; никто по ней еще не ступал. Эта равнина лежит перед тобой в девственности и чистоте.

Что же дальше? А дальше ты просишь Бога благословить этот день, чтобы всё в этом дне Он Сам благословил и управил. И после отнесись к тому, что ты сказал, серьезно, потому что очень часто мы говорим: “Господи, благослови!” – и получив благословение, поступаем, как блудный сын: собираем свое добро и отправляемся подальше, на сторону, вести разгульную жизнь.

Так вот, на этом дне – Божие благословение, он – Божий собственный день; и теперь давайте войдем в него. Входишь в начинающийся день как личный Божий посланник; кого ни встретишь – встречаешь его так, как его встречал бы Бог. Ты поставлен в этом дне, чтобы быть присутствием Господа, присутствием Христа, присутствием Святого Духа, присутствием Евангелия; вот твоя функция в этом дне. Бог никогда не говорил, что когда ты вступаешь в некую ситуацию во имя Его, распинать будут снова Его, а ты воскреснешь. Ты должен быть готов вступить в любую череду обстоятельств во имя Бога и идти, как Сын Божий шел: уничиженно и смиренно, в правде и в готовности понести преследования и т.д.

Исполняя Божию заповедь, мы обычно ожидаем, что тут же увидим удивительные результаты, – о таких случаях мы иногда читаем в житиях святых. Для примера: кто-то ударил нас по щеке, мы подставляем другую, но никак не ожидая нового удара, а в ожидании, что другой воскликнет: “О, какое смирение!” – и мы вознаграждены, а другой обрел спасение своей души. Но так не случается; тебя ждет расплата, и очень часто получаешь жестокий удар. Важно, чтобы ты был к этому готов. Что же касается дня, если ты осознал и принял, что этот день благословил **Бог**, что Он осенил его Своей рукой, тогда каждый человек, которого ты встретишь – тебе от Бога подарок, каждое обстоятельство, которое представится – тебе подарок от Бога, горькое оно или сладкое, нравится оно тебе или не нравится. Это – Божий собственный дар тебе, и если ты его так и станешь принимать, то можно справиться с любыми обстоятельствами. Но тогда надо встречать всё с готовностью, что произойти может что угодно, приятное или неприятное; и если ты во имя Божие идешь через весь день, который ты принял свежим и новым из Его собственных рук, с Божиим благословением на то, чтобы прожить его, то тем самым молитву и жизнь можно подлинно обратить в две

стороны одной монеты. Тогда действуешь и молишься как бы единым дыханием, потому что все обстоятельства, следующие одно за другим, требуют благословения Божия.

Несколько лет тому назад я говорил на эту тему на молодежном собрании в Тезэ, после чего завязалась переписка с примерно тридцатью юношами и девушками. Одна из них написала мне однажды: “Я попробовала воспользоваться Вашим советом; попробовала со всей энергией; не было ни минуты, когда бы я не молилась и не действовала одновременно, молилась и действовала; и теперь я не могу слышать самого слова “Бог”, я нахожу такую молитву невыносимой”. И я ей тогда ответил: “У тебя испортилось пищеварение, ты объелась. В молитве надо держаться здравого смысла, как в жизни руководствуешься здравым смыслом. Невозможно, если ты не молилась никогда в жизни, сразу начать с восемнадцати часов непрерывного диалога с Богом и молитвы, одновременно делая свое дело. Но можно выделить один или два момента и вложить в них всю свою энергию. Просто обрати свой взор к Богу, улыбнись и начинай. В другие моменты можешь сказать Богу: “Мне просто нужно передохнуть, у меня нет сил быть с Тобой всё время”, – что правда! Ты еще не можешь вынести непрерывного пребывания с Богом; так и скажи Ему. Бог это прекрасно знает, как бы ты ни поступила. Отстранись пока, скажи: “Сейчас я отдохну; на время я согласна не быть слишком святой”.

Так мы можем просто отдохнуть и посмотреть на что-то, что тоже Божие – деревья, дома, – и после какого-то времени снова вернуться к Богу. Можно искать, но не забывая о трезвости, потому что есть грех, который святые отцы называют духовной жадностью: мы хотим всё больше и больше Бога, когда нам нужна диета; получил немножко – и пока довольно.